

qir.

2345

W

39

3119

СЕРИЯ ПОЛВНОА

С
БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

РОБНЕРЪ ЛОДЪНОВЪ

Puskin

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1831.

814. 3877

Съ ДОЗВОЛЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1851

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІЯНЪ

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНІЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ ПОСВЯЩАЕТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

ДРАГОЦЕННАЯ ПОСЛАНИЕ

ПТИЦА

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИН

СЕЙ ТРАДЪ, ТЕНЕВЪ ЕЮ ВДОХОВЕННЫЙ

СЪ ВЛАДОУЩЕЮ И ВЛАДОУЩЕЮ ПОСЛАНИЕ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

СЪ ДОБРОЮЮ ПОСЛАНИЕ

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 Февраля.)

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

В О Р О Т Ы Н С К І Й.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдашь,
 Но, кажешся, намъ не за кѣмъ смопрѣшь:
 Москва пуща; во слѣдъ за Патріархомъ
 Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
 Какъ думаешь, чѣмъ кончится преревога?

Ш у й с к і й.

Чѣмъ кончится? Узнашь немудрено:

Народъ еще повоешь, да поплачешь,
 Борисъ еще поморщится немного,
 Чшо пьяница предъ чаркою вина,
 И наконецъ по милости своей
 Приняшь вѣнецъ смиренно согласишь,
 А шамъ — а шамъ онъ будетъ нами правишь
 По прежнему.

В о р о т ы н с к і й.

Но мѣсяцъ ужъ пропекъ,
 Какъ, зашворясь въ монастырь съ сеспрою,
 Онъ, кажеся, покинулъ все мірское.
 Ни Паптріархъ, ни Думные Бояре
 Склонишь его доселѣ не могли;
 Не внемлеть онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу Великаго Собора.
 Его сеспру напрасно умоляли
 Благословишь Бориса на державу;
 Печальная Монахиня - Царица,
 Какъ онъ шверда, какъ онъ неумолима:

Знашь самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Чшо ежели Правишель, въ самомъ дѣлѣ,
 Державными забошами наскучилъ
 И на пресполь безвласпный не взойдешъ?
 Чшо скажешъ ты?

Ш у й с к і й.

Скажу, чшо понапрасну
 Лилася кровь Царевича - младенца;
 Чшо если шакъ, Димитрій могъ бы жить.

В о р о т ы н с к і й.

Ужасное злодѣйство! Полно почно ль
 Царевича сгубилъ Борисъ?

Ш у й с к і й.

А кшо же?

Кшо подкупаль напрасно Чепчугова?
 Кшо подослалъ обоихъ Бишяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Изслѣдовашь на мѣстѣ эшо дѣло:
 Наѣхаль я на свѣжіе слѣды;
 Весь городъ былъ свидѣшель злодѣянья;

Всѣ граждане согласно показали :

И, возвращаясь, я могъ единымъ словомъ

Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ

Спокойствіемъ, безстыдною неожиданой;

Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый :

Разспрашивалъ, въ подробностяхъ входилъ —

И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,

Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, Князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявишь Феодору? Но Царь

На все глядѣлъ очами Годунова,

Всему внималъ ушами Годунова :

Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ ;

Борисъ попчасъ его бы разувѣрилъ,
 А шамъ меня жъ сослали бѣ въ започенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой шюрмѣ пихонько бѣ задавили.
 Не хвасшаюсь, а въ случаѣ конечно
 Никая казнь меня не успрашитъ;
 Я самъ не прусъ, но также не глупецъ,
 И въ пеплю лѣзть не соглашуся даромъ.

В о р о т ы н с к і й.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губишеля раскаянье превожитъ:
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему спупитъ мѣшаетъ на пресполь.

Ш у й с к і й.

Перешагнетъ; Борисъ не шакъ - то робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Ташаринъ, зящъ Малюпы,
 Зящъ палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ, родомъ онъ незнапень; мы знапнѣ.

Шуйскій.

Да, кажешся.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...

Легко сказапъ, природные Князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, Князь, вѣдь мы бѣ имѣли право

Наслѣдовапъ Θεодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жъ?

Когда Борисъ хиприпъ не перестанешъ,

Давай народъ искусно волновашь;
 Пускай они оспавяшъ Годунова,
 Своихъ Князей у нихъ довольно; пустьъ
 Себѣ въ Цари любаго изберушъ.

В о р о т ы н с к і й.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
 Да шрудно намъ шягашъ съ Годуновымъ:
 Народъ опвыкъ въ насъ видѣшъ древню опрасль
 Воинспвенныхъ власпишелей своихъ.
 Уже давно лишились мы удѣловъ,
 Давно Царямъ подручниками служимъ,
 А онъ умѣль и спрахомъ и любовью
 И славою народъ очаровашъ.

Ш у й с к і й (глядитъ въ окно).

Онъ смѣль, вошъ все — а мы... Но полно. Видишъ,
 Народъ идешъ, рассыпавшись, назадъ —
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ опъ себя прогналъ

Свящешелей, Бояръ и Папріарха.

Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;

Его спрашивъ сіяніе престола.

Другой.

О Боже мой, кто будетъ нами править?

О горе намъ!

Третій.

Да вошь Верховный Дьякъ

Выходитъ намъ сказать рѣшеніе Думы.

Н а р о д ъ .

Молчашь! молчашь! Дьякъ Думной говоришь;

Ш ш — слушайте!

Щелкаловъ (съ Краснаго Крыльца).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдашь силу просьбы

Надъ скорбною Правишеля душой.

Заутра вновь Святѣйшій Пашріархъ,

Въ Кремль опѣвъ торжественно молебень,

Предшесшвуемъ хоругвями святыми,

Съ Иконами Владимірской, Донской,

Воздвижешся, а съ нимъ Синклишь, Бояре,

Да сонмъ Дворянъ, да Выборные Люди

И весь народъ Московскій православный,

Мы всѣ пойдемъ молишь Царицу вновь,

Да сжалился надъ сирою Москвой

И на вѣнецъ благословишь Бориса.

Идише же вы съ Богомъ по домамъ,

Молишесь, да взыдешь къ небесамъ

Усердная молишва православныхъ.

(Народъ разходится).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРІАРХЪ, БОЯРЕ.

и скреплено Борисъ.

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре,

Обнажена моя душа предъ вами: X

шеп Вы видѣли, что я пріемлю власшь

Великую со страхомъ и смиреньемъ.

Сколь тяжела обязанность моя! X

Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —

Наслѣдую и Ангелу - Царю!...

О праведникъ, о мой отецъ державный!

Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ

И низпошли тому, кого любилъ ты,

Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,

Священное на власть благословенье:

Да правлю я во славу свой народъ,

Да буду благу и праведенъ, какъ ты.

Опъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.

Служите мнѣ, какъ вы ему служили,

Когда труды я ваши раздѣлялъ,

Не избранный еще народной волей.

Б о я р е.

Не измѣнимъ присягу, нами данной.

Б о р и с ъ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ

Почившихъ властителей Россіи,

А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,

Всѣхъ, опъ вельможъ до нищаго слѣпца;

Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре).

Князь Воротынскій, останавливал Шуйскаго.

Ты угадалъ.

Ш у й с к і й.

А что?

Воротынский.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынский.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,

Ты говорилъ —

Шуйскій.

Теперь не время помнишь,

Совѣшную порой и забывашь,

А впрочемъ я злословіемъ пришворнымъ

Тогда желалъ себя лишь испышашь,

Вѣрнѣй узнашь свой пайный образъ мыслей;

Но вошь — народъ привѣшпвуешь Царя —

Ошсупшпвіе мое замѣшишь могушь —

Иду за нимъ.

Воротынский.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ

(1603 года.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЬ, ГРИГОРІЙ спящій.

Пимень (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье —

И Льшопись окончена моя,

Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога

Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ

Свидѣшелемъ Господь меня поставилъ

И книжному искусству вразумилъ:

Когда нибудь монахъ прудолубивый

Найдесть мой прудъ усердный, безымянный;
 Засвѣшипъ онъ, какъ я, свою лампаду,
 И, пыль вѣковъ отъ харшій опряхнувъ,
 Правдивыя сказанья перепишетъ,
 Да вѣдають попомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ Царей великихъ поминають
 За ихъ пруды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за шемныя дѣянья,
 Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
 Минувшее проходишь предо мною —
 Давно ль оно неслось событій полно,
 Волнуясь, какъ море - окіанъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходитъ до меня,
 А прочее погибло невозвратно!...
 Но близокъ день, лампада догараетъ —
 Еще одно, послѣднее сказанье (пишетъ).

Григорій пробуждается.

Все шопъ же сонъ! Возможно ль? въ прешій разъ!

Прокляшый сонъ!... А все передъ лампадой

Спарикъ сидишь, да пишешь — и дремошой

Знашь во всю ночь онъ не смыкаль очей.

Какъ я люблю его спокойный видъ,

Когда, душой въ минувшемъ погруженный,

Онъ Лѣшопись свою ведешь; и часпо

Я угадашь хошѣль, о чемъ онъ пишешь:

О темномъ ли владычествѣ Тапарь?

О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?

О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?

О славѣ ли опечесства? напрасно:

Ни на челѣ високомъ, ни во взорахъ

Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;

Все шопъ же видъ смиренный, величавый.

Такъ шочно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,

Спокойно зришь на правыхъ и виновныхъ,

Добру и злу внимая равнодушно,

Не вѣдая ни жалоспи, ни гнѣва.

П и м е н ь.

Проснулся, братъ.

Г р и г о р і й.

Благослови меня,

Честный отецъ.

П и м е н ь.

Благослови, Господь,

Тебя и днесъ и присно и вѣки.

Г р и г о р і й.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,

А мой покой бѣсовское мечшанье

Тревожило, и врагъ меня мушилъ:

Мнѣ снилося, что лѣспница крушая

Меня вела на башню; съ высошы

Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;

Внизу народъ на площади кипѣлъ

И на меня указываль со смѣхомъ;

И стыдно мнѣ и спрашно шановилось —

И падая спремглавъ, я пробуждался....

И три раза мнѣ снился пошъ же сонъ.
Не чудно ли?

П и м е н ь.

Младая кровь играетъ;
Смирять себя молитвой и постомъ,
И сны свои видѣній легкихъ будущъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсилень,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не шихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чуждая по шумные пиры,
То рашный сшанъ, по схватки боевыя,
Безумныя пошѣхи юныхъ лѣтъ!

Г р и г о р і й.

Какъ весело провелъ свою пы молодость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рашъ Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Щасливъ! а я ошъ опроческихъ лѣтъ
По келіямъ скишаюсь, бѣдный инокъ!

Зачѣмъ и мнѣ не пѣшишься въ бояхъ,
 Не пировать за Царскою прапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на шарость лѣтъ,
 Опъ суешы, опъ міра опложись,
 Произнести монашества обѣтъ,
 И въ тихую обитель зашворишься.

П и м е н ь.

Не съшуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣniają слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
 Проштиву ихъ? Никто. А что же? Часто
 Злапой вѣнецъ тяжель имъ становился;
 Они его мѣняли на клобукъ.

Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ шрудовъ.
 Его дворець, любимцевъ гордыхъ полный,
 Монашья видъ новый принималъ:
 Кромешники въ шафьяхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецами,
 А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.
 Я видѣлъ здѣсь, вошь въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кирилль многоспиральный,
 Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
 Мірскихъ суешъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
 Успалаго опъ гнѣвныхъ думъ и казней:
 Задумчивъ, шихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
 Мы передъ нимъ недвижимо спояли,
 И шихо онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ Игумну и всей бранѣ:
 « Ошцы мои, желанный день придетъ,
 « Предстану здѣсь алкающій спасенья;
 « Ты, Никодимъ, шы, Сергій, шы, Кирилль,

« Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный,
 « Прииду къ вамъ пресшупникъ окаянный
 « И схиму здѣсь честную восприму,
 « Къ спопамъ твоимъ, свяный Отець, припадши.»
 Такъ говорилъ державный Государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, спрадающей и бурной.
 А сынъ его Феодоръ? На престолъ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ Царскіе чершогы
 Преобрашилъ въ молишвенную келью;
 Тамъ тяжкія, державныя печали
 Свяшой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
 И Русь при немъ во славу безмятежной
 Упѣшилась — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, Царю едино зримый,

Явился мужъ необычайно свѣшелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Θεодоръ
 И называшъ великимъ Патріархомъ,
 И всѣ кругомъ обьяшъ были спрахомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане свяшый Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ пресшавился, палашы
 Исполнились свяшымъ благоуханьемъ
 И ликъ его какъ солнце просіялъ —
 Ужъ не видашъ шакого намъ Царя.
 О спрашное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу
 Мы нарекли.

Г р и г о р і й.

Давно, чеспный отецъ,
 Хошѣлось мнѣ тебя спросишь о смерши
 Димитрія Царевича; въ то время
 Ты, говоряшъ, былъ въ Угличѣ.

П и м е н ь,

Охъ, помню!

Привель меня Богъ видѣшь злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ посланъ послушанье;
 Пришелъ я въ ночь. Наушро въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набашъ;
 Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
 Спѣшу шуда жъ — а шамъ уже весь городъ.
 Гляжу: лежишь зарѣзанный Царевичъ;
 Царица машъ въ безпамятствѣ надъ нимъ,
 Кормилица въ опчаяныи рыдаешъ,
 А шушь народъ оспервенясь волочишь
 Безбожную предашельницу - мамку...
 Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, опъ злоспи блѣдень,
 Являешся Іуда - Бишяговскій.
 « Вошь, вошь злодѣй! » раздался общій вопль,
 И вмигъ его не спало. Тушь народъ
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ премоу убійцамъ;
 Укрывшихся злодѣевъ захвашили

И привели предъ теплый шрупъ младенца ,

И чудо — вдругъ мершвецъ зашрепешалъ.

« Покайшеса ! » народъ имъ загремѣлъ :

И въ ужасъ подъ шопоромъ злодѣи

Покаялись — и назвали Бориса.

Г р и г о р і й.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный ?

П и м е н ь.

Да лѣтъ семи ; ему бы нынѣ было —

(Тому прошло ужъ десятъ лѣтъ... нѣтъ, больше:

Двѣнадцатъ лѣтъ) — онъ былъ бы швой ровесникъ

И царшвовалъ ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу

Я лѣтопись свою ; съ шѣхъ поръ я мало

Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,

Ты грамошой свой разумъ просвѣшилъ ,

Тебѣ свой шрудъ передаю. Въ часы

Свободные опъ подвиговъ духовныхъ ,

Описывай , не мудршвуя лукаво ,

Все то , чему свидѣтель въ жизни будешь :

Войну и миръ, управу Государей,
 Угодниковъ свяшья чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны
 А мнѣ пора, пора ужъ отдохнушь
 И погасишь лампаду... Но звоняшь
 Къ зашренѣ... благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ!... подай коспыль, Григорій.
 (Уходитъ).

Г р и г о р і й.

Борисъ, Борисъ! все предъ побой прещепъ,
 Никшо тебѣ не смѣешь и напомнишь
 О жребіи несчастнаго младенца —
 А между тѣмъ опшельникъ въ шемной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишешь:
 И не уйдешь ты опъ суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь опъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ , ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, ошець Игумень?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, свяпый Владыка, вошь ужъ шому
шрепій день.

ПАТРИАРХЪ.

Поспрѣль, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Ошрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ
Дѣшей; смолоду поспригся невѣдомо гдѣ, жилъ
въ Суздаля, въ Ефимьевскомъ монаспырѣ, ушелъ
ошшуда, шашался по разнымъ обишелямъ, на-

конецъ пришелъ къ моей Чудовской брашні; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, опдалъ его подъ начальъ опцу Пимену, сшарцу крошкому и смиренному; и былъ онъ весьма грамошень, чишалъ наши лѣшописи, сочинялъ каноны свяшымъ; но знашь грамоша далася ему не опъ Господа Бога...

ПАТРІАРХЪ.

Ужъ эши мнѣ грамошѣи! что еще выдумаль! буду Царемъ на Москвѣ! ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и докладывашъ объ эшомъ; что превозишь Опца-Государя? Довольно будешъ объявишь о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Эшака ересь! буду Царемъ на Москвѣ!.... Поймашъ, поймашъ врагоугодника, да и сослашъ въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь эшо ересь, опецъ Игумень?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, свяшый Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

Первый.

Гдѣ Государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ, вошъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадашели, колдуньи.

Все ворожишъ, что красная невѣсша.

Желаль бы знашъ, о чемъ гадаешъ онъ?

Второй.

Вошъ онъ идешъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ! (Уходятъ).

ЦАРЬ, входитъ.

несчастн. чувств

Достигъ я высшей власпи;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:

Но щаспья нѣшъ моей душѣ. Не такъ ли

Мы смолоду влюбляемся и алчемъ

Ушѣхъ любви, но только уполимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и помимся?...

Напрасно мнѣ кудесники суляшъ

Дни долгіе, дни власпи безмяшежной —

Ни власшъ, ни жизнь меня не веселяшъ;

Предчувствую небесный громъ и горе.

Мнѣ щаспья нѣшъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славу успокоишъ,

Щедрами любовь его снискашъ —

Но опложилъ пуспое попеченье:

Живая власшъ для черни ненависпна.

Они любишъ умѣютъ только мершвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ,
 Иль ярый вопль превожидъ сердце наше.
 Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я опворилъ имъ житницы; я злопо
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснудсь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома испребилъ;
 Я выспроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вопъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найши опраду,
 Я дочь мою мнилъ ошаспливишь бракомъ;
 Какъ буря, смерть уносишь жениха....
 И шупъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня несчастнаго опца!....
 Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Теодора кончину,
 Я оправилъ свою сестру Царицу,

Монахиню смиренную все я! ✕

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ

Среди мірскихъ печалей успокоить;

Ничто, ничто едина развѣ совѣсть —

Такъ, здравая, она восторжествуетъ

Надъ злобою, надъ шемной клеветою.

Но если въ ней единое пачно,

Единое случайно завелось;

Тогда бѣда: какъ язвой моровой

Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,

Какъ молоткомъ спучитъ въ ушахъ упрекомъ,

И все пошнитъ, и голова кружится,

И мальчики кровавые въ глазахъ

И радъ бѣжать, да некуда . . . ужасно!

Да, жалокъ пошъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЬ и ВАРЛААМЪ, бродяги въ видѣ чер-
нецѣвъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ;
ХОЗЯЙКА.

Х о з я й к а.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивашь, спарцы чеспные?

В а р л а а м ъ.

Чѣмъ Богъ пошлешь, хозяюшка. Нѣтъ ли вина?

Х о з я й к а.

Какъ не быть, опцы мои! сей часъ вынесу.

(Уходитъ.)

М и с а и л ь.

Чпо жь ты закручинился, шоварищъ? Вопъ и
граница Литовская, до кошорой шакъ хошѣлось
тебѣ добрашься.

Григорій.

Пока не буду въ Липвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ.

Чшо тебѣ Липва такъ слюбилась? Вошь мы, опець Мисаиль, да я грѣшный, какъ упекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Липва ли, Русь ли, чшо гудокъ, чшо гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вошь и оно!...

Мисаиль.

Складно сказано, опець Варлаамъ.

Хозяйка, входитъ.

Вошь вамъ, опцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаиль.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (*Поетъ.*)

Какъ во городъ было во Казани...

Чшо же ты не подсягиваешь, да и не посягиваешь?

Григорій.

Не хочу.

Мисайль.

Вольному воля....

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисайль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку....

Однако, отецъ Мисайль, когда я пью, такъ презвухъ не люблю : ино дѣло пьянство, а иное чванство ; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай : скорохъ попу не шоварищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь и я порой складно говорю умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисайль.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да чшо онъ за поспникъ? Самъ же къ намъ
назвался въ шоварищи, невѣдомо кшо, невѣдомо
ошкуда — да еще и спѣсивишся. (*Пьетъ и поетъ.*)

Молодой Чернецъ постригся.

Григорій, хозяйкѣ.

Куда ведешь эша дорога?

Хозяйка.

Въ Липву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы шуда поспѣшь,
кабы не заспавы Царскія, да спорожевые при-
спавы.

Григорій.

Какъ, заспавы! чшо эшо значишь?

Хозяйка.

Кшо-шо бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ
задерживашъ, да осмашривашъ.

Григорій, про себя.

Вошь тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (*Вслухъ.*)
Да кого жь имъ надобно? Кшо бѣжалъ изъ Мос-
квы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаешъ, воръ ли, разбойникъ,
шолько здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода
нѣтъ. А чшо изъ шого будешъ? ничего, ни
лысаго бѣса не поймають: будшо въ Липву нѣтъ
и другаго пуши, какъ сполбовая дорога! Вошь
хошь опсюда своропи влѣво, да боромъ иди по
пропинкѣ до часовни, чшо на Чеканскомъ ручью,
а шамъ прямо черезъ болошо на Хлопино, а оп-
шуда на Захарьево, а шупъ ужъ всякой маль-
чишка доведешъ до Луёвыхъ горъ. Опъ эшихъ
приспавовъ шолько и шолку, чшо припѣсняють
прохожихъ, да обирають насъ бѣдныхъ. (*Слы-
шень шумъ*). Чшо шамъ еще? Ахъ, вошь они
проклятые! дозоромъ идушъ.

Григорій.

(Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?)

Хозяйка.

Нѣшу, родимый, рада бы сама спряшашься. Только слава, что дозоромъ ходяшь, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чшобъ имъ издохнуть окаяннымъ! чшобъ имъ... (Входятъ Приставы.)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловашь, госпи дорогіе, милоспи просимъ.

Одинъ Приставъ другому.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будешъ чѣмъ поживишься. (Монахамъ.) Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи спарцы, иноки смиренныя, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милоспыню Христіанскую на монастырь.

Приставъ, Григорью.

А ты?

Мисаиль.

Нашъ поварищъ....

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводиль сшарцевъ до рубежа; опселъ иду восвояси.

Мисаиль.

Такъ ты раздумалъ....

Григорій, тихо.

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, высшавъ-ко еще вина—а мы здѣсь со сшарцами поъемъ, да побесѣдуемъ.

Другой Приставъ, тихо.

Парень-шо, кажешся, голь; съ него взять нечего; за шо сшарцы....

Первый.

Молчи, сей часъ до нихъ доберемся.—Что, опцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ Хрисціане спали
 скупы; деньгу любящъ, деньгу прячущъ. Мало
 Богу дающъ. Прииде грѣхъ велій на языцы зем-
 нїи. Всѣ пуспилися въ торги, въ мыпарсшва;
 думаютъ о мірскомъ богащствѣ, не о спасеніи
 души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; ино-
 гда въ три дни прехъ полушекъ не вымолишь.
 Такой грѣхъ! Пройдешъ недѣля, другая, загля-
 нешь въ мошѣнку, анъ въ ней шакъ мало, чшо
 совѣсно въ монастырь показаться; чшо дѣ-
 лать? съ горя и осшальное пропьешь; бѣда да
 и шолько. — Охъ, плохо, знаешь пришли наши
 послѣднія времена.....

Хозяйка, плачетъ.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый

Приставъ значительно всматривается въ

Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алёха! при тебѣ ли Царскій Указъ?

Второй.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

Мисаиль.

Чшо ты на меня шакъ приспально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вошь чшо: изъ Москвы бѣжалъ нѣкопорый злой ерепикъ, Гришка Ошрепьевъ, слыхалъ ли ты эшо?

Мисаиль.

Не слыхалъ.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхалъ? ладно. А шого бѣглаго ерепика Царь приказалъ изловишь и повѣсишь. Знаешь ли ты эшо?

Мисаиль.

Не знаю.

Приставъ, Варлааму.

Умѣешь ли ты чишать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ, Мисаилу.

А ты?

Мисаиль.

Не умудриль Господь.

Приставъ.

Такъ вошь тебѣ Царскій Указъ.

Мисаиль.

На что мнѣ его?

Приставъ.

Мнѣ сдается, что эшопъ бѣглый ерешикъ,
воръ, мошенникъ — ты.

Мисаиль.

Я? помилуй! что ты!

Приставъ.

Постой! держи двери. Вошь мы сей часъ и
справимся.

Хозяйка.

Ахъ они окаянные мучишели! и сцарца-то въ покоѣ не оспавяшъ!

Приставъ.

Кшо здѣсь грамошный?

Григорій, *выступаетъ впередъ.*

Я грамошный.

Приставъ.

Вошь на... А у кого же шы научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

Приставъ, *даетъ ему Указъ.*

Чишай же вслухъ.

Григорій, *читаетъ.*

« Чудова монашыря недоспойный чернецъ Григорій, изъ роду Ошрепьевыхъ, впаль въ ересь
« и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущашъ
« свяшую брашю всякими соблазнами и безза-
« коніями. А по справкамъ оказалось, ошбѣжалъ

« онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Лишов-
 « ской.... »

Приставъ, Мисаилу.

Какъ же не пы?

Григорій.

« И Царь повелѣлъ изловишь его.... »

Приставъ.

И повѣсишь!

Григорій.

Тутъ не сказано повѣсишь.

Приставъ.

Врешь! не всяко слово въ спроку пишется.

Чишай: изловишь и повѣсишь.

Григорій.

« И повѣсишь. А лѣшь ему вору Гришкѣ опъ ро-
 « ду.... (смотря на Варлаама) за 50, а роспу
 « онъ средняго, лобъ имѣешь плѣшивый, бороду
 « сѣдую, брюхо толстое.

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Ребятша! здѣсь Гришка! держите, вяжите его!
 Вошь ужь не думаль, не гадаль!

Варлаамъ, *вырывая бумагу.*

Ошеспаньше, поспрѣлы! чшо я за Гришка?
 какъ! 5о лѣшь, борода сѣдая, брюхо толстое!
 нѣшь, брашъ! молодъ еще надо мною шупки
 шупишь. Я давно не чишываль и худо разбираю,
 а шупъ ужь разберу, какъ дѣло до пешли дохо-
 дишь. (*Читаетъ по складамъ.*) «А лѣшь е-му
 «ошъ ро-ду... 20.»—Чшо брашъ, гдѣ шупъ 5о?
 видишь 20?

Второй Приставъ.

Да, помнишся, 20; шакъ и намъ было сказано.

Первый Приставъ, Григорію.

Да ты, брашъ, видно забавникъ.

(*Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя
 голову, съ рукою за пазухой.*)

Варлаамъ, *продолжаетъ.*

«А роспомъ онъ малъ, грудь широкая, одна
 «рука короче другой, глаза голубые, волосы ры-

• жие, на щекѣ бородавка, на лбу другая. • Да
эшо другъ ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ
передъ нимъ разступаются, онъ бросается
въ окно.)

П р и с т а в ы.
Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

Шуйскій.

Вина еще. (*Встаетъ, за нимъ и всѣ.*)

Ну, госпи дорогіе,

Послѣдній ковшъ! Чишай молишву, мальчикъ.

Мальчикъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,

Своихъ рабовъ моленію внемли:

Помолимся о нашемъ Государѣ,

Объ избранномъ Тобой благочеспивомъ,

Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палашахъ, въ полѣ рашномъ,

И на пусяхъ, и на одрѣ ночлега.

Подай ему побѣду на враги,
 Да славился онъ опъ моря до моря.
 Да здравіемъ цвѣшеть его семья,
 Да осѣнятъ ея драгія вѣшви.
 Весь міръ земной — а къ намъ, своимъ рабамъ,
 Да будешь онъ, какъ прежде благодашень,
 И милосивъ и долгоперпѣливъ,
 Да мудроси его неиспощимой
 Произшекунъ испочники на насъ;
 И, Царскую на по воздвигнувъ чашу,
 Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

Шуйскій, пѣетъ.

Да здравствуюешь Великій Государь!
 Просшите же вы, госпи дорогіе;
 Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Просшите, добрый сонъ.
 (Гости уходятъ, онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ, я
 ужъ думалъ, что намъ не удастся и перегово́ришь.

Шуйскій, слугамъ.

Вы, что рошъ разинули? Все бы вамъ господъ
подслушивашъ. Сбирайте со сшолъ, да спускай-
те вонъ. — Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и шолько.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну.

Пушкинъ.

Сшранную племянникъ пишешъ новосшъ.
Сынъ Грознаго.... посшой. (Идетъ къ дверямъ
и осм. приваетъ.) Державный опшрокъ,
По манію Бориса убіенный....

Шуйскій.

Да эшо ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вошь на! какая вѣшь!

Царевичъ живъ! ну подлинно чудесно.

И шолько-шо.

Пушкинъ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,

Иль нѣкій духъ во образъ его,

Иль смѣлый плутъ, безспыдный самозванецъ,

Но шолько шамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можетъ бышь.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,

Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ

И сквозь ряды Лишовскихъ Пановъ прямо

Шель въ шайную палату Короля.

Шуйскій.

Кшо жъ онъ такой? ошкуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаюшь,

Извѣстно то, что онъ слугою былъ

У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни

Открылся онъ духовному опцу,

Что гордый Панъ, сію провѣдавъ шайну,

Ходилъ за нимъ, поднѣялъ его съ одра

И съ нимъ попомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говоряшь объ эпомъ удалецъ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣшливъ, ловокъ,

По праву всѣмъ. Московскихъ бѣглецѣвъ

Обворожилъ. Лашинскіе попы

Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —

И говоряшь, помогу общалъ.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кучерма,

Что голова кругомъ пойдетъ неволью.

Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,

Но признаюсь, опасность не мала.

Вѣсь важная! и если до народа

Она дойдетъ, то бытъ грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису

Сдержашъ вѣнецъ на умной головѣ.

И подѣломъ ему: онъ править нами,

Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).

Что пользы въ шомъ, что явныхъ казней нѣтъ,

Что на полу кровавомъ всенародно

Мы не поемъ каноновъ Иисусу,

Что насъ не жгутъ на площади, а Царь

Своимъ жезломъ не подгребаешь углей?

Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!

Насъ каждый день опала ожидаетъ,

Тюрма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,

А шамъ въ глуши голодна смерть, иль пещля.

Знапнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?

Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шеспуновы,

Романовы, опечеснѣва надежда?

Запochены, замучены въ изгнанъѣ.
 Дай срокъ: тебѣ такая жъ будешь участь.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Липвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, гошовые продашь,
 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказашъ.
 Вошь — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
 Не власны мы въ помѣстїяхъ своихъ.
 Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
 Корми его. Не смѣй переманишь
 Рабошника! Не то, въ Приказъ Холопей.
 Ну, слыхано ль хошь при Царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулишь спаринный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдешь пошѣха.

Ш у й с к і й.

Правъ ты, Пушкинъ.

★ ★

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ,
Мы помолчимъ до времени.

Пушк ин ъ.

Въсп им о ,

Знай про себя. Ты человекъ разумный;

Всегда съ тобой бесѣдовашь я радъ,

И если что меня подчасъ превозишь,

Не вышерплю, чшобъ не сказать тебѣ;

Къ тому жъ швой медъ, да бархашное пиво

Сегодня шакъ языкъ мнѣ развязали....

Прощай же, Князь.

Ш у й с к и й.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, *гертитъ Географическую карту.*

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

К с е н і я, *цалуеть портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ шы доспался, не своей невѣстѣ, а шемной мсгилкѣ, на чужой споронкѣ: никогда не ушѣшусь, вѣчно по шебѣ буду плакашь.

М а м к а.

И, Царевна! дѣвица плачешь, что роса падешь: взойдешь солнце, росу высушишь. Будешь у шебя другой женихъ и прекрасный и привѣпливый.

Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

К с е н і я .

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна,

(Входитъ Борисъ.)

Ц а р ь .

Что, Ксенія? что, милая моя?

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!

Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.

Дитя мое! судьба мнѣ не судила

Виновникомъ бышь вашего блаженства.

Я, можешь бышь, прогнѣваль небеса,

Я счастье швое не могъ устроишь;

Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?

А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ф е о д о р ь .

Чершежь земли Московской; наше царство

Изъ края въ край. Вотъ видишь: тушь Москва,

Тушь Новгородъ, тушь Аспрахань, Вотъ море,

Вопшь Пермскіе дремучіе лѣса,
А вопшь Сибирь.

Ц А Р Ъ.

А эшо что такое

Узоромъ здѣсь віешся?

Феоdorf.

Эшо Волга.

заб. о просвещ. Ц А Р Ъ.

Какъ хорошо! вопшь сладкій плодъ ученья!

Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣшь

Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ

Намъ опыты быспрошекущей жизни —

Когда нибудь, и скоро, можешь быть,

Всѣ области, копорья ты нынѣ

Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,

Всѣ подъ руку доспанулся твою —

Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе

Державный трудъ ты будешь поспигаешь.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вотъ Годуновъ идешь ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксенія) Душа моя, поди въ свою свѣплицу;

Проспи, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ.)

Что скажешь мнѣ, Семень Никишичъ?

Семень Годуновъ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣпъ, дворецкій Князь-Василья

И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Ц а р ь.

Ну.

Семень Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,

Что поушру вчера къ нимъ въ домъ прѣхаль

Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ

Безъ грамошы опосланъ былъ обратно.

Ц а р ь.

Гонца схватишь.

Семень Годуновъ.

Ужъ послано въ догоню.

Ц А Р Ъ.

О Шуйскомъ что?

Семень Годуновъ.

Вечёръ онъ угощаль

Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,

Бупурлиныхъ, Михайла Салпыкова,

Да Пушкина — да нѣсколько другихъ;

А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ

Наединъ съ хозяиномъ оспался

И долго съ нимъ бесѣдоваль еще.

Ц А Р Ъ.

Сей часъ послашь за Шуйскимъ.

Семень Годуновъ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

Ц А Р Ъ.

Позвашь его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

Ц А Р Ъ.

Сношенія съ Липвою! эшо что?...

Прошивень мнѣ родъ Пушкиныхъ мяшежный,
А Шуйскому не должно довѣрять.
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Ш у и с к і й.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдашь
Вѣсть важную.

Ц а р ь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій, тихо указывая на Θεодора.

Но, Государь....

Ц а р ь.

Царевичъ можешь знать,
Чшо вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

Ш у и с к і й.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть....

*Былъ добръ — такъ какъ
подобавлялъ шлюстину
ты показывалъ себя
тѣмъ кров. но въ немъ этого
не было*

Ц А Р Ъ.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ.

Ш у й с к і й.

Все знаешь онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей шайны.

Ц А Р Ъ.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Ш у й с к і й.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

Ц А Р Ъ.

Что жъ говоряшь? Кто этакъ самозванецъ?

Ш у й с к і й.

Не вѣдаю.

Ц А Р Ъ.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ.

Ш у й с к і й.

Конечно, Царь: сильна швоя держава,
 Ты милосшью, радѣньемъ и щедрошой
 Усыновиль сердца своихъ рабовъ.
 Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
 Измѣнчива, мяшежна, суевѣрна,
 Легко пусшой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями питається она.
 Ей нравишся безсшдная опвага;
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Липовскую границу перейдешъ,
 Къ нему толпу безумцевъ привлечешъ
 Димитрія воскреснувшее имя.

Ц а р ь.

Димитрія!... какъ? эшого младенца?
 Димитрія!... Царевичъ, удались.

Ш у й с к і й.

Онъ покраснѣлъ: бышь буръ!...

Теодоръ.

Государь,

Дозволишь ли....

Ц а р ь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Теодоръ уходитъ.)

Димитрія!....

Ш у й с к і й.

Онъ ничего не зналъ.

Ц а р ь.

Послушай, Князь: взяшь мѣры сей же часъ;

Чтобъ опъ Лишвы Россія оградилась

Заспавами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Спупай.

Ш у й с к і й.

Иду.

Ц а р ь.

Поспой. Не правда ль, эша вѣсть

Запѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
 Чшобъ мертвые изъ гроба выходили
 Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ Папріархомъ?
 Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?

Ш у й с к і й.

Я, Государь?...

Ц л р ь.

Послушай, Князь Василій:
 Какъ я узналъ, что опрока сего....
 Чшо опрокъ сей лишился какъ-то жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
 Тебя Крешомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣспи мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убишаго младенца
 И не было ль подмѣна? Опвѣчай.

Ш у й с к і й.

Клянусь тебѣ....

Ц а р ь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Ш у й с к і й.

Онъ.

Ц а р ь.

Подумай, Князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Опъ ужаса во гробъ содрогнешся.

Ш у й с к і й.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Передъ побой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборъ посѣщаль,
Всѣмъ Угличемъ шуда сопровождаемый.

Вокругъ него принадашь пѣль лежало,
 Расперзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ пѣніе примѣшно прослупало,
 Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
 И свѣжъ и шихъ, какъ будшо усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Чершы жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣшь, Государь, сомнѣнья нѣшь: Димитрій
 Во гробъ спитъ.

Ц а р ь.

Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу —
 Я чувсшвоваль: вся кровь моя въ лицѣ
 Мнѣ кинулась и шяжко опускалась....
 Такъ вошь зачѣмъ принадашь лѣшь мнѣ сряду
 Все снислоя убишое дитя!
 Да, да — вошь чшо! шеперь я понимаю.
 Но кшо же онъ, мой грозный супосшашъ?
 Кшо на меня? Пустое имя, шѣнь —
 Уже ли шѣнь сорвешъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишишь дѣшей моихъ наслѣдства?

Безумецъ я! чего жь я испугался?

На призракъ сей подуй — и нѣшь его.

Такъ рѣшено: не окажу я спраха —

Но презирашь не должно ничего....

Охъ, тяжела шы, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕР ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой ошець, не будешь запрудненій;
 Я знаю духъ народа моего;
 Въ немъ набожность не знаешь изспупленья:
 Ему священъ примѣръ Царя его.
 Всегда, къ тому жь, терпимось равнодушна.
 Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
 Весь мой народъ и вся Воспочна Церковь
 Признають власъ Намѣспника Пешра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ свяшый Игнашій,
 Когда придуть иныя времена.

А между тѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена;
 Пришворспвовашь предъ оглашеннымъ свѣшомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велишь;
 Твои слова, дѣянья судяшь люди,
 Намѣренья единый видишь Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Атеп. Кшо шамъ! (*Входитъ слуга.*) Сказать:

Мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Рускихъ и
 Поляковъ*).

Товарищи! мы выпушаемъ завпра
 Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
 Оспановлюсь въ Самборѣ на три дня.
 Я знаю: твой госпепріимный замокъ
 И пышностью блискаетъ благородной
 И славишся хозяйкой молодой.
 Прелесшную Марину я надѣюсь
 Увидѣшь шамъ. А вы, мои друзья,
 Лишва и Русь, вы, брашскія знамена

Поднявшіе на общаго врага,
 На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны Славянъ, я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны,
 Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ.

Они пришли у милости швоей
 Просишь меча и службы.

Самозванецъ.

Радъ вамъ, дѣши.
 Ко мнѣ друзья. Но кто скажи мнѣ, Пушкинъ
 Красавецъ сей?

Пушкинъ.

Князь Курбскій.

Самозванецъ, Курбскому.

Имя громкое!

Ты родственникъ Казанскому Герою?

Курбскій.

Я сынъ его.

С а м о з в а н е ц ъ .

Онъ живъ еще?

К у р ь с к і й .

Нѣтъ, умеръ.

С а м о з в а н е ц ъ .

Великій умъ! мужъ бисвы и совѣша!

Но съ той поры, когда являлся онъ,

Своихъ обидъ ожесоченный мстишель,

Съ Липовцами подъ вѣхій городъ Ольгинъ,

Молва объ немъ умолкла.

К у р ь с к і й .

Мой отецъ

Въ Волынїи провелъ ошпенокъ жизни,

Въ помѣспїяхъ, дарованныхъ ему

Башорїемъ. Уединень и шихъ,

Въ наукахъ онъ искалъ себѣ опрады;

Но мирный шрудъ его не ушѣшалъ:

Онъ юноши своей опчизну помнилъ

И до конца по ней онъ шосковалъ.

Самозванецъ.

Нещасный вождь! какъ ярко просіялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный вишязь,
 Что кровь его съ опечесшвомъ мирится;
 Вины опцевъ не должно воспоминашь;
 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... Руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведешь
 На шронъ, кого? да — сына Іоанна!...
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кто такой?

Полякъ.

Собаньскій, шляхпичъ вольный.

Самозванецъ.

Хвала и чесшь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ ему прешъ жалованья выдашь.
 Но эши кто? я узнаю на нихъ
 Земли родной одежку. Эпо наши.

Хрущовъ бьетъ теломъ.

Такъ, Государь, опецъ нашъ. Мы швои

Усердные , гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы , опальные , бѣжали
 Къ тебѣ , нашъ Царь — и за тебя гошovy
 Главами лечь , да будущь наши шрупы
 На Царской шронѣ спупенями тебѣ.

С а м о з в а н е ц ъ .

Мужайшеса , безвинные спрадальцы —
 Лишь дайше мнѣ добраться до Москвы ,
 А шамъ Борисъ разплашился во всемъ.
 Ты кто ?

К а р е л а .

Козакъ ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
 Опъ вольныхъ войскъ , опъ храбрыхъ Ашамановъ ,
 Опъ Козаковъ верховыхъ и низовыхъ
 Узрѣшь швои Царевы ясны очи
 И кланяться тебѣ ихъ головами.

С а м о з в а н е ц ъ .

Я зналъ Донцёвъ : не сомнѣвался видѣшь
 Въ своихъ рядахъ Козачьи бунчуки.
 Благодаримъ Донское наше войско.

Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
 Неправедно пришѣснены, гонимы;
 Но если Богъ поможетъ намъ вступишь
 На пронѣ опцѣвъ, то мы по старинѣ
 Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланяясь низко
 и хватая Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣплѣйшій Королевичъ!

Самозванецъ.

Что хочешь ты?

Поэтъ *подаетъ ему бумагу*.

Примише благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ.

Что вижу я? Лашинскіе стихи!

Сшокрапъ священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваешь.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ,

Но мнѣ знакомъ Лашинской Музы голосъ,

И я люблю Парнасскіе цвѣты.

Я вѣрую въ пророчества Піишовъ.

Нѣтъ, не вошше въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восшоргъ : благословишся подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!

Приблѣжся, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень*).

Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я; надѣюсь вновь услышашъ
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнь.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

В с ѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій,
Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

(Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка).

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

Мнишекъ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,

Мариною одною занялъ онъ...

А дѣло-то на свадьбу спрахъ похоже.

Ну — думалъ ты, признайся, Вишневецкій,

Что дочь моя Царицей будетъ? а?

Вишневецкій.

Да, чудеса... и думалъ ли ты, Мнишекъ,

Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

Мнишекъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упускай Димитрія!... и вошь

Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣняхъ.

*(Музыка играетъ Польской. Самозванецъ
идетъ съ Мариною въ первой парѣ).*

М а р и н а тихо Димитрію.

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,

Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

К а в а л е р ь.

Чшо въ ней нашель Димитрій?

Д а м а.

Какъ! она

Красавица.

К а в а л е р ь.

Да, мраморная Нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ,
И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велишь Царевичъ,
Готовы мы; но видно, Панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ удержишь насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы спарики ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,

Охъ, не забыль старинныхъ я проказъ!

Теперь не то, не то, что прежде было!

И молодежь ей ей не такъ смѣла

И красота не такъ ужъ весела,

Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.

Оставимъ ихъ; пойдемъ, поварищъ мой,

Венгерскаго, обросшую правой,

Велимъ опрышь бубылку вѣковую,

Да въ уголку пошанемъ - ко вдвоемъ

Душистый покъ, спрую, какъ жиръ, густую,

А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.

Пойдемъ же, брашъ.

Вишневецкій.

И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

Самозванецъ входитъ.

Вошь и фоншанъ; она сюда придетъ.

Я, кажешся, рождень не боязливымъ;

Передъ собой вблизи видалъ я смерть;

Предъ смертію душа не содрагалась.

Мнѣ вѣчная неволя угрожала,

За мной гнались — я духомъ не смутился

И дерзостью неволи избѣжалъ.

Но что жъ теперь шѣснешъ мое дыханье?

Что значишь сей неодолимый препешъ?

Иль эшо дрожь желаній напряженныхъ?

Нѣшъ, эшо спрахъ. День цѣлый ожидалъ

Я шайнаго свиданія съ Мариной,

Обдумывалъ все то, что ей скажу,

Какъ обольщу ея надменный умъ,

Какъ назову Московскою Царицей —

Но часъ насталь — и ничего не помню ;
 Не нахожу зашверженныхъ рѣчей ;
 Любовь мушпъ мое воображенье . . .
 Но что - то вдругъ мелькнуло . . шорохъ . . пише . .
 Нѣшь , эшо свѣшь обманчивой луны ,
 И прошумѣль здѣсь въперокъ .

М а р и н а входитъ .

Царевичъ !

С а м о з в а н е ц ъ .

Она ! . . Вся кровь во мнѣ оспановилась .

М а р и н а .

Димитрій ! Вы ?

С а м о з в а н е ц ъ .

Волшебный , сладкій голосъ !

(Идетъ къ ней) Ты ль наконецъ ? Тебя ли вижу я ,

Одну со мной , подъ сѣнью тихой ночи ?

Какъ медленно кашился скучный день !

Какъ медленно заря вечерня гасла !

Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ !

М а р и н а.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
 Не для того, чѣмъ слухать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой и бурной и невѣрной
 Соединить судьбу мою; по вправѣ
 Я требовать, Димитрій, одного:
 Я пребую, чѣмъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ шеперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чѣмъ объ руку съ тобой могла я смѣло
 Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная своя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница Московскаго Царя.

С а м о з в а н е ц ъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ

Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго побою,
 Щаспливаго своимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай вы́сказать все то, чѣмъ сердце полно!

М А Р И Н А.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 Приверженность твоихъ клеврезовъ спынешь;
 Часъ опъ часу опасность и труды
 Становятся опаснѣй и труднѣе;
 Ужъ носящся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняешь новизну;
 А Годуновъ свои пріемлешь мѣры....

С А М О З В А Н Е Ц Ъ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на Царственную власть.

Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой снѣпи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
 Высокаго, свяшаго назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ кипящему, безумно
 Плѣненному моею красою,
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марина! ты не знаешь,

Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь —
 Какъ ! ежели . . . о страшное сомнѣнье !
 Скажи : когда бъ не Царское рожденье
 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
 Не сей, давно забытый міромъ опрокъ ;
 Тогда бъ . . . тогда бъ любила ль ты меня ?

М а р и н а .

Димитрій, ты и бышь инымъ не можешь ;
 Другаго мнѣ любишь нельзя.

С а м о з в а н е ц ъ .

Нѣтъ ! полно :

Я не хочу дѣлиться съ мершвецѣмъ
 Любовницей, ему принадлежащей :
 Нѣтъ, полно мнѣ припворсшвовашь ! скажу
 Всю истину ; такъ знай же : твоя Димитрій
 Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ ;
 А хочешь ли ты знашь, кто я таковъ ?
 Изволь, скажу : я бѣдный черноризецъ ;
 Монашеской неволею скучая ,

★ ★

Подъ клобукомъ свой замысель ошважный
 Обдумалъ я; гошовиль міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени;
 Владѣшь конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался,
 И Поляковъ безмозглыхъ обмануль.
 Чшо скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Чшо жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О сшѣдь! о горе мнѣ!

(Молганіе).

САМОЗВАНЕЦЪ (тихо).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ такимъ трудомъ усшроенное щасстье
 Я, можешъ бышь, навѣки погубиль.
 Чшо сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу:
 Сшѣдишься ты не Княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;

Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду (бросается на колѣна).

МАРИНА.

Вспань, бѣдный самозванецъ.
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки доверчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно опровергала
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (встаетъ).
Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести паялся, можешь быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

МАРИНА.

Достойныя позорной пещи, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,

Обманывалъ я Бога и Царей,
 Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
 Меня казнишь; я правъ передъ тобою,
 Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 Предъ ней же я приговорствовать не смѣлъ:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

МАРИНА.

... Чѣмъ хвалишься, безумецъ!
 Кпо требовалъ признанья своего?
 Ужъ если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
 Достоинъ быть успѣха своего
 И свой обманъ отважный обезпечить
 Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
 Могу ль, скажи, предашься я тебѣ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,

Соединишь судьбу мою съ швоею,
 Когда ты самъ съ такою простотой,
 Такъ въпрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ опцемъ
 Изъ дружбы ты доселъ не открылся,
 Опъ радости предъ нашимъ Королемъ,
 Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучишь одна могла признанье.
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ завѣшномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ испязаній,
 Сихъ тяжкихъ шайнъ не выдася мой языкъ.

Марина.

Клянешся ты! и такъ должна я вѣришь.
 О вѣрю я! Но чѣмъ, не лзя ль узнатьъ,

Клянешься ты? не именемъ ли Бога,
 Какъ набожный пріемышь Езуишовъ?
 Иль честію, какъ вишязь благородный,
 Иль, можешь бышь, единымъ Царскимъ словомъ,
 Какъ Царскій сынъ? не шакъ ли? говори.

Димитрій, гордо.

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Димишріемъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы возмушила
 И въ жершву мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я. Довольно, спыдно мнѣ
 Предъ гордою Полячкой унижаюсь.
 Прощай на вѣкъ: игра войны кровавой,
 Судьбы моей обширныя заботы
 Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
 О, какъ себя я шану ненавиждъшь,
 Когда пройдешь поспыдной спраспи жаръ.
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
 Найду ли смерть, какъ воинъ въ бишвѣ честной,

Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
 Не будешь ты подругою моей,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можешь быть, ты будешь сожалѣшь
 Объ участи, опвергнутой побою.

МАРИНА.

А если я швой дерзоспный обманъ
 Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я себя боюсь?
 Что болѣе повѣряшь Польской дѣвѣ,
 Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
 Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.
 Имъ эшо лишъ и нужно: и себя,
 Мяшежница, повѣрь, молчать заспавяшь.
 Прощай.

МАРИНА.

Поспой, Царевичъ. Наконецъ

Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.

Съ побою, Князь, она меня миришь.

Безумный твой порывъ я забываю

И вижу вновь Димитрія. Но слушай:

Пора, пора! проснись, не медли болѣ,

Веди полки скорѣе на Москву;

Очисти Кремль, садись на пронь Московскій —

Тогда за мной шли брачнаго посла;

Но, слышишь Богъ, пока твоя нога

Но оперлась на пронныя ступени,

Пока побой не свержень Годуновъ,

Любви рѣчей не буду слушать я. (Уходитъ).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,

Или хитришь съ придворнымъ Езуитомъ,

Чѣмъ съ женщиной. Чёртъ съ ними; мочи нѣтъ:

И пугаетъ, и вьется, и ползетъ,

Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалишь.

Змѣя! змѣя!... Недаромъ я дрожалъ.

Она меня чуть чуть не погубила.

Но рѣшено : заупра двину рапъ.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ , оба вер-
хами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбскій , прискакавъ первый.

Вошь , вошь она , вошь Русская граница !

Свяшая Русь ! Опечесство ! я швой !

Чужбины прахъ съ презрѣньемъ опряхаю

Съ моихъ одеждъ , пью жадно воздухъ новый :

Онъ мнѣ родной ! шеперь швоя душа ,

О мой опецъ , ушѣшилась и въ гробъ.

Опальныя возрадуются кости !

Блеснуль опяшь наслѣдственнй нашъ мечъ ,

Сей славный мечъ — гроза Казани шемной ,

Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ !

Въ своемъ пиру шеперь онъ загуляешь
За своего надѣжу - Государя!...

Самозванецъ, ѣдетъ тихо съ поникшей головой,
Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О вишязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспишанный въ изгнаньи,
Забывъ, опцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излишь за сына Іоанна
Гоповишься, законнаго Царя
Ты возвратишь опечесству... ты правъ,
Душа швоя должна пылать весельемъ.

К у р б с к і й.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вошь наша Русь: она швоя, Царевичъ.
Тамъ ждущъ тебя сердца швоихъ людей:
Твоя Москва, швой Кремль, швоя держава.

С а м о з в а н е ц ъ.

Кровь Русская, о Курбскій, попечеть!

Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
 Я жъ васъ веду на брашневъ; я Лишву
 Позваль на Русь; я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣшную дорогу!
 Но пущь мой грѣхъ падешъ не на меня,
 А на себя, Борисъ-цареубійца!
 Впередъ!

КУРЬСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скажутъ. Полки переходятъ черезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТІАРХЪ и БОЯРЕ.

Ц А Р Ъ.

Возможно ли? разсприга, бѣглый инокъ
 На насъ ведешъ злодѣйскія дружины,
 Дерзаетъ намъ писашъ угрозы! Полно,
 Пора смиришь безумца! Поѣзжайте,
 Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
 Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
 Буншовщикомъ Черниговъ осажденъ.
 Спасайте градъ и гражданъ.

Б А С М А Н О В Ъ.

Государь,

Трехъ мѣсяцевъ опшнынѣ не пройдешь,
 И замолчишь и слухъ о самозванцѣ;

Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣшкѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

Ц А Р Ъ.

патриотизмъ Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога;
Своихъ людей у насъ довольно рашныхъ,
Чшобъ опрацишь измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослашь *распоряд.*
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чшобъ на коня сажались, и людей
По сшаринѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно опобрашь
Служишелей причешныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой опечесшву грозило,
Опшельники на бишву сами шли;
Но не хошимъ превожить нынѣ ихъ;
Пущь моляшся за насъ они: шаковъ

Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
 Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
 Вы знаете, что наглый Самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
 На площадяхъ мятежный бродить шёпотъ,
 Умы кипящъ... ихъ нужно осудить;
 Предупредишь желалъ бы казни я,
 Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
 Свяшый Опець, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
 Духъ милоспи и крошкаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій Государь;
 Ты грѣшному погибели не хочешь,
 Ты тихо ждешь, да пройдешь заблужденье:
 Оно пройдешь и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озаришь.

Твой вѣрный богомолецъ,

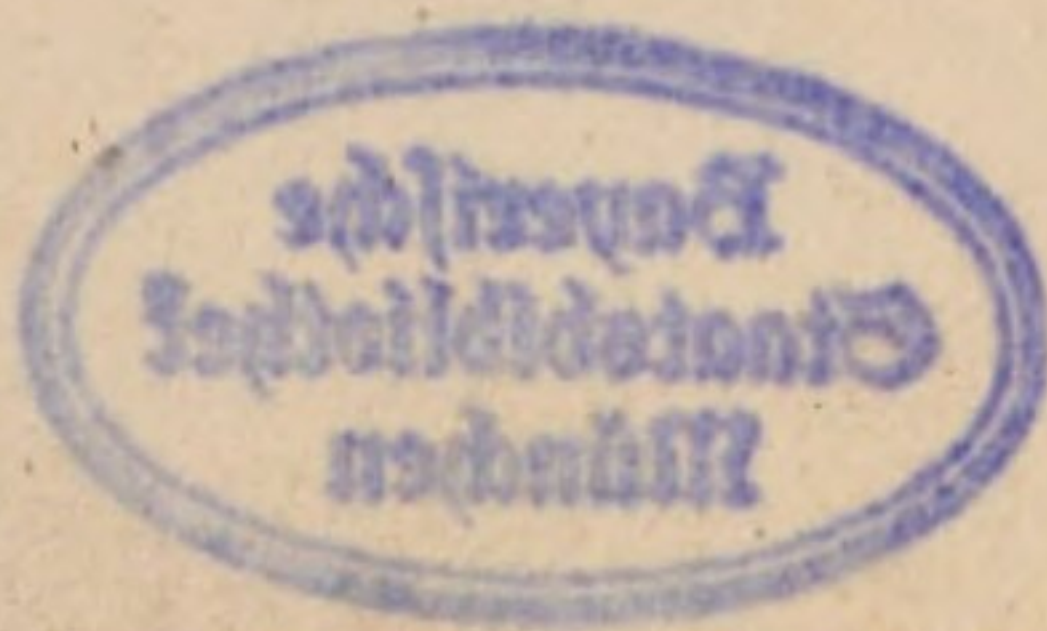

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь податьъ тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разсприга окаянный,
Прослышь умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоишь лишь ее раздрашь — и самъ
Онъ нагошой своею посрамился.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тошъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой паспухъ, уже масшпый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

« Въ молодыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
« И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
« До старости: напрасно я лечился
« И зелиемъ и шайнымъ нашептаньемъ
« Напрасно я ходилъ на поклоненье

- « Въ обишли къ великимъ Чудотворцамъ ;
- « Напрасно я изъ кладязей свяшыхъ
- « Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
- « Не посылалъ Господь мнѣ изцѣленья.
- « Вошъ наконецъ ушрашилъ я надежду,
- « И къ шмѣ своей привыкъ, и даже сны
- « Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
- « А снилися мнѣ только звуки. Разъ
- « Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
- « Мнѣ говоришь: вспань, дѣдушка, поди
- « Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья ;
- « Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
- « Богъ милосшивъ — и я тебя прощу.
- « Но кшо же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
- « Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
- « Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
- « И я шеперь великій Чудотворецъ.
- « Иди, сшарикъ. — Проснулся я и думалъ:
- « Чшо жъ? можешъ бышь и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
- « Мнѣ позднее даруешъ изцѣленье.

« Пойду — и въ путь отправился далекій.
 « Вошь Углича доспигъ я, прихожу
 « Въ свяшый Соборъ, и слушаю обѣдню,
 « И, разгорась душѣй усердной, плачу,
 « Такъ сладосшно, какъ будшо слѣпоша
 « Изъ глазъ моихъ слезами вышекала.

« Когда народъ спаль выходить, я внуку
 « Сказаль: Иванъ, веди меня на гробъ,
 « Царевича Димитрія. И мальчикъ
 « Повель меня — и шолько передъ гробомъ
 « Я шихую молишву сотвориль,
 « Глаза мои прозрѣли: я увидѣль
 « И Божій свѣшь, и внука, и могилку. »

Вошь, Государь, чшо мнѣ повѣдалъ спарець.

*(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)*

Я посылаль тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, чшо многіе спрадальцы
 Спасеніе подобно обрѣшали
 У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ : во Кремль свящыя мощи
 Перенести , поставишь ихъ въ Соборъ
 Архангельскомъ ; народъ увидишь ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя ,
 И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ .

(Молваніе.)

Князь Шуйскій .

Свящый Отець , кто вѣдаетъ пупи
 Всевышняго ? Не мнѣ его судить .

Нешлѣнный сонъ и силу чудотворства

Онъ можешь дать младенческимъ косянкамъ ,

Но надлежитъ народную молву

Изслѣдовать прилѣжно и безспрасно ;

А въ бурныя ль смяшеній времена

Намъ помышлять о споль великомъ дѣлѣ ?

Не скажутъ ли , что мы свящынню дерзко

Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ пворимъ ?

Народъ и такъ колеблется безумно ,

И такъ ужъ есть довольно шумныхъ полковъ :
 Умы людей не время волновать

Нежданою, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ
Разсѣянный разспригой уничтожишь;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Ц а р ь.

Да будешь такъ! Владыка Папріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре.)

Одинъ Бояринъ, тихо другому.
Замѣшилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Другой.

Я — признаюсь — не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелился.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СЪВЕРСКАГО.

(1604 года, 21 Декабря.)

Б И Т В А.

В о и н ы , бѣгутъ въ безпорядкѣ.

Бѣда , бѣда ! Царевичъ ! Ляхи ! Вошь они ! вошь они !

(Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ.)

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда , куда ? Allons . . . пошѣль назадъ !

Одинъ изъ вѣглецѣвъ.

Самъ пошѣль, коли есть охопа, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЬ.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква! ква! шебъ любо, лягушка заморская, квакашь на Русскаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЬ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: en dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЬ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЬ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЬ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЬ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЬ.

Sch glaube das.

(Входят Нѣмцы.)

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розень.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся.)

Marsch!

Нѣмцы, идутъ.

Hilf Gott!

(Сраженіе. Рускіе снова бѣгутъ.)

Л я х и.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

Димитрій, верхомъ.

Ударишь опбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Опбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны.)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что? ужь проклинали пого?

Другой.

Я споялъ на паперши и слышалъ, какъ Дьяконъ завопилъ: Гришка Ошрепьевъ — анаѣема!

Первый.

Пускай себѣ проклинаятъ; Царевичу дѣла нѣтъ до Ошрепьева.

Д р у г о й.

А Царевичу поюшь шеперь вѣчную память.

П е р в ы й.

Вѣчную память живому! Вошь ужё имъ будешь
безбожникамъ.

Т р е т і й.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

Ч е т в е р т ы й.

Нѣтъ, эшо Юродивый.

*(Входитъ Юродивый въ желѣзной шапкѣ, об-
вѣщенный веригами, окруженный мальчиш-
ками.)*

М а л ь ч и ш к и.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!... пр
р р р....

С т а р у х а.

Ошвяжишесь ошъ него, бѣсеняша. Помолись,
блаженный, за меня грѣшную.

Ю р о д и в ы й.

Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вошь тебѣ копѣчка; помяни же меня.

Юродивый, садится на землю и поетъ.

Мѣсяць ѣдешъ,

Копенокъ плачешъ,

Юродивый, всшавай,

Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, Юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.) Экъ она звонишь!

Юродивый.

А у меня копѣчка есть.

Мальчишка.

Неправда, ну, покажи.

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ.)

Юродивый, плачетъ.

Взяли мою копѣчку, обижаютъ Юродиваго.

Н А Р О Д Ъ.

Царь, Царь идешь.

(Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди
раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

Ю р о д и в ы й.

Борись, Борись! мальчишки обижаютъ Юро-
диваго.

Слов. къ нищ. Ц А Р Ъ.

Подашь ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Ю р о д и в ы й.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ за-
рѣзать, какъ зарѣзали ты маленькаго Царевича.

Б О Я Р Е.

Поди прочь, дуракъ! схватише дурака!

Ц А Р Ъ.

Оставьте его. Молись за меня, Юродивый.

(Уходитъ.)

Ю р о д и в ы й, ему вслѣдъ.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молишься за Царя Иро-
да — Богородица не велишь.

С Ъ В С К Ъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *окруженный своими.*

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

Л я х ъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позважь его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

П л ѣ н н и к ъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяць будешьъ.

Самозванецъ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ.

Какъ бышь, не наша воля.

Самозванецъ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по бѣгѣ изъ Москвы.

Самозванецъ.

Что Годуновъ?

Плѣнникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной

Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ

Начальствовашъ надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ опозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградишь его заслуги чesшью

И золопомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидишь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждешь меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говоришь не слишкомъ нынче смѣюшь.

Кому языкъ опрѣжешь, а кому

И голову. Такая право прищча,

Что день, то казнь. Тюрмы биткомъ набиты.

На площади, гдѣ человѣка при
 Сойдешся — глядь — лазушчикъ ужъ и вьешся,
 А Государь досужною порою
 Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
 Какъ разъ бѣда; шакъ лучше ужъ молчать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!

Ну, войско чшо?

Плѣнникъ.

Чшо съ нимъ? одѣто, сыто,
 Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будешь тысячъ тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

★ ★

(Самозванецъ задумывается; окружающіе
смотрятъ другъ на друга.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судяшь въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говоряшь о милости швоей,

Чшо ты-дескашь (бѣдь не во гнѣвъ) и воръ,

А молодець.

САМОЗВАНЕЦЪ, смѣясь.

Такъ эшо я на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не спанемъ ждашь

Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:

Назавтра бой. (Уходитъ.)

В с ѣ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Л я х ѣ.

Назавтра бой! ихъ тысячъ пятьдесятъ,

А насъ всего едва ль пашнадаць тысячъ:

Съ ума сошелъ.

Другой.

Пустое, другъ: Полякъ

Одинъ пяшь сопъ Москалей вызвашь можешъ.

Плѣнникъ.

Да, вызовешъ! а какъ дойдешъ до драки,

Такъ убѣжишь ошъ одного, хваспунъ.

Ляхъ.

Когда бь ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,

То я шебя (*указывая на свою саблю*)

Вошъ эшимъ бы смирилъ.

Плѣнникъ.

Нашъ брашъ Русакъ безъ сабли обойдется:

Не хочешъ ли вошъ эшаго (*показывая кулакъ*),

Безмозглый.

(*Ляхъ гордо смотритъ на него и молча от-
ходитъ. Всѣ смѣются.*)

Л Ъ С Ъ.

Л Ж Е Д И М И Т Р Ъ Й , П У Ш К И Н Ъ .

(*Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.*)

Л Ж Е Д И М И Т Р Ъ Й .

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакаль
 Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
 И раненый какъ быспро несъ меня.
 Мой бѣдный конь.

П У Ш К И Н Ъ , *про себя.*

Ну, вошь о чемъ жалѣешь,
 Объ лошади! когда все наше войско
 Побито въ прахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай, можешь бышь,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И ошдохнешь.

ПУШКИНЪ.

Куда! онъ издыхаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, идетъ къ своему коню.

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? сняшь узду,
Да ошсшегнушь подпругу. Пусшь на волѣ
Издохнешь онъ.

*(Разуздываетъ и разсѣдываетъ коня. Вхо-
дитъ нѣсколько Ляховъ.)*

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?

Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя

Онъ врѣзался; шмы сабель молодца,

Что зыбкіе колосья, облѣпили;

Но мечъ его всѣхъ выше подымался,

А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ:

Гдѣ жъ вишязь мой?

Л я х ъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

С а м о з в а н е ц ъ.

Чессть храброму и миръ его душѣ!

Какъ мало насъ опъ бипвы уцѣлѣло!

Измѣнники, злодѣи Запорожцы,

Проклятые! вы, вы сгубили насъ.

Не выдержишь и прехъ минушь оппора!

Я ихъ ужё: десяшаго повѣшу,

Разбойники!

П у ш к и н ъ.

Кто шамъ ни виновашъ,

Но все таки мы начиспо разбишы,

Испреблены.

С а м о з в а н е ц ъ.

А дѣло было наше,

Я было снялъ передовую рашъ —

Да Нѣмцы насъ порядкомъ опразили;

А молодцы! ей Богу, молодцы!

Люблю за шо; изъ нихъ ужъ непремѣнно

Составлю я почешную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-шо намъ сегодня ночевашь?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ эшо не ночлегъ?

Чѣмъ свѣшъ, мы въ пущь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.

Спокойна ночь. (*Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.*)

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!

Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,

Безпечень онъ, какъ глупое дитя:

Хранишь его конечно Провидѣнье;

И мы друзья не спанемъ унывашь.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Ц А Р Ъ.

Онъ побѣждень, какая польза въ шомъ?

Мы тщешною побѣдой увѣнчались.

Онъ вновь собралъ разсѣянное войско

И намъ со спѣнь Пушивля угрожаешъ.

Чшо дѣлаюшъ межъ тѣмъ герои наши?

Сстояшъ у Кромъ, гдѣ кучка Козаковъ

Смѣшся имъ изъ-подъ гнилой ограды.

Вошъ слава! нѣшъ, я ими не доволенъ;

Пошлю тебя начальспвовашъ надъ ними;

Не родъ, а умъ поспавлю въ Воеводы;

Пускай ихъ спѣсь о мѣспничеспвѣ шужишъ;

Пора презрѣшь мнѣ ропотъ знашной черни
И гибельный обычай уничтожишь.

Б а с м а н о в ъ.

Ахъ, Государь, спокрашъ благословенъ
Тошъ будешъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожрешъ огонь!

Ц а р ь.

День эшошъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смяшеніе народа
Мнѣ усмиришь.

Б а с м а н о в ъ.

Чшо на него смопрѣшь;
Всегда народъ къ смяшенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызешъ свои бразды;
На власть опца такъ опрокъ негодуешъ:
Но чшо жь? конемъ спокойно всадникъ правишь,
И опрокомъ ошець повелѣваешъ.

Ц а р ь.

Конь иногда сбиваешъ сѣдока,

Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
 Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
 Сдержашь народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
 Смиришель бурь, разумный Самодержецъ,
 Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.

Нѣтъ, милости не чувствуешь народъ:
 Твори добро — не скажешь онъ спасибо;
 Грабь и казни — тебѣ не будешь хуже.

(Входитъ Бояринъ.)

Что?

Б о я р и н ѣ .

Привели гостей иноплеменныхъ?

Ц а р ѣ .

Иду принять; Басмановъ, погоди,
 Останься здѣсь: съ побой еще мнѣ нужно
 Поговоришь. (Уходитъ.)

Б а с м а н о в ѣ .

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Опрепьевымъ проклятымъ
 Управиться; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворишь.
 Мысль важная въ умѣ его родилась.
 Не надобно ей дашь остыть. Какое
 Мнѣ поприще откроешь, когда
 Онъ сломишь рогъ Боярству родовому.
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У Царскаго престола спану первый....
 И можешь быть.... Но что за чудный шумъ?

*(Тревога. Бояре, придворные служители въ
 беспорядкѣ бѣгутъ, встрѣжаются и шепчутъ.)*

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣ къ Папріарху.

Третій.

Царевича, Царевича зовешь!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираешь.

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронъ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулъ; все Царское семейство; всѣ Бояре.)

Ц а р ь.

Подите всѣ — оставьте одного

Царевича со мною. (*Всѣ удаляются.*) Умираю;

Обнимемся; прощай, мой сынъ: сей часъ

Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!

Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу

Мнѣ некогда очистишь покаяньемъ.

Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья... такъ и бышь!

Я подданнымъ рождень, и умереть

Мнѣ подданнымъ во мракъ бѣ надлежало;

Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
 Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
 Ты царствовать теперь по праву станешь,
 А я за все одинъ отвѣчу Богу.
 О милый сынъ, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпляй себя ты добровольно.
 Въ дни бурные державу ты приемишь:
 Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
 Могъ удержать смятенье и мятежъ;
 Передо мной они дрожали въ страхъ;
 Возвысишь гласъ измѣна не дерзала:
 Но ты молодой, неопытной властитель,
 Какъ управляешь ты будешь подъ грозой,
 Тушишь мятежъ, опусываешь измѣну!
 Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
 Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
 Совѣтника во-первыхъ избери
 Надежного, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,

Любимаго народомъ — а въ Боярахъ
 Почтеннаго породой или славой —
 Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
 Искусный вождь: Басманова пошли
 И съ швердосшью снеси Боярскій ропоть.
 Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
 Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
 Не измѣняй печенья дѣлъ. Привычка
 Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
 Возстановишь опалы, казни — можешь
 Ихъ опмѣнишь; себя благословяшь,
 Какъ швоего благословляли дядю,
 Когда пресполь онъ Грознаго пріялъ.
 Со временемъ и понемногу снова
 Запягивай державныя бразды.
 Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская —
 Будь милосшивъ, досшупень къ иноземцамъ,
 Довѣрчиво ихъ службу принимай.
 Со спрогосшью храни усшавъ церковный;
 Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голось

На воздухъ перяшься попустому;
 Какъ звонъ свяшой, онъ долженъ лишь вѣщать
 Велику скорбь или великій праздникъ.

О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуешь женскій ликъ.

Храни, храни свяшую чистоту
 Невинности и гордую спыдливость:

Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ молодые дни привыкнулъ упоасть;

Топь, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно шемнѣетъ.

Въ семьѣ своей будь всегда главой;

Мать почиай, но властвуй самъ собою —

Ты мужъ и Царь; люби свою сесю —

Ты ей одинъ хранишь оспашься.

Еодоръ (на колѣнахъ).

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:

Народъ и мы погибли безъ тебя.

Ц а р ъ.

Все кончено — глаза мои шемнѣютъ,

Я чувствую могильный хладъ... (Входитъ Па-
тріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре.
Царицу ведутъ подъ руки, Царевна ры-
даетъ).

Кто шамъ?

А! схима... шакъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идешь:
И шемный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Паптріархъ,
Я Царь еще: внимлише вы, Бояре:
Се шопъ, кому приказываю царство;
Цалуйше крестъ Θεодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробъ васъ молю
Ему служишь усердіемъ и правдой!
Онъ шакъ еще и младъ и непорочень.
Клянешесь ли?

Б О Я Р Е.

Клянемся.

Ц А Р Ъ.

Я доволенъ.

Простите жь мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и пайныя обиды...

Свяшый отецъ, приближься, я гошовъ.

(Называется обрядъ постриженія.

Женщинъ въ обморокъ выносятъ).

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.

И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ

И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Басмановъ.

Но я и такъ Θεодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ:

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,

И гнѣвъ Боярь — я присягалъ ему.

Пушкинь.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

Басмановъ.

Послушай, Пушкинь, полно,
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой.

Пушкинь.

Россія и Липва

Димитріемъ давно его признали,
Но впрочемъ я за это не спою.
Быть можешь, онъ Димитрій насоящій,
Быть можешь, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока спою за юнаго Царя,
До полѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!

Побѣдою я ихъ одушевлю,
 А вы кого прошивъ меня пошлете:
 Не Козака ль Карелу, али Мнишка?
 Да много ль васъ? всего - по восемь тысячъ.

Пушкинъ.

Ошибся ты: и шѣхъ не наберешь.
 Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
 Что Козаки лишь только села грабятъ,
 Что Поляки лишь хваспаютъ, да пьютъ,
 А Русскіе... да что и говоришь —
 Передъ побой не сшану я лукавить;
 Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Димитрія ты помнишь торжествъ
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выспрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши ращи

Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисъ.
 А нынче ль?... нѣтъ, Басмановъ, поздно споришь
 И раздувать холодный пепель брани:
 Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
 Не устроишь; не лучше ли тебѣ
 Дать первому примѣръ благоразумной,
 Димитрія Царемъ провозгласишь
 И тѣмъ ему навѣки удружишь?
 Какъ думаешь?

Басмановъ.

Узнаете вы завтра.

Пушкинъ.

Рѣшись.

Басмановъ.

Прощай.

Пушкинъ.

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ):

Басмановъ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣешь:

Что дѣлашь мнѣ? Уже ли буду ждаться,
 Чтобъ и меня бунповщики связали
 И выдали Опрепьеву? Не лучше ль
 Предупредить разрывъ попока бурный,
 И самому... Но измѣнишь присягѣ!
 Но заслужишь безчестье въ родъ и родъ!
 Довѣренность младаго Вѣнценосца
 Предательствомъ ужаснымъ заплашишь!
 Опальному изгнаннику легко
 Обдумывать мяшежъ и заговоръ,
 Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
 Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...

(Задумывается).

Сюда! кшо тамъ? (Свищетъ) Коня! прубите сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ ИДЕТЬ ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМЪ.

Н А Р О Д ъ.

Царевичь намъ Боярина послалъ.

Послушаемъ, что скажетъ намъ Бояринъ.

Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонѣ).

Московскіе граждане,

Вамъ кланяшся Царевичъ приказалъ. (*Кланяется*).

Вы знаете, какъ промысль небесный

Царевича опъ рукъ убійцы спасъ;

Онъ шель казнишь злодѣя своего,

Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.

Димитрію Россія покорилась;

Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ

Свои полки привелъ ему къ присягѣ.

Димитрій къ вамъ идеть съ любовью, съ миромъ.

Въ угоду ли семейству Годуновыхъ

Подымете вы руку на Царя

Законнаго, на внука Мономаха?

Н а р о д ъ.

Вѣспимо, нѣтъ.

П у ш к и н ъ.

Московскіе граждане,

Миръ вѣдаешь, сколь много вы перпѣли

Подъ власною жестокаго пришельца:

Опалу, казнь, безчестіе, налоги,

И шрудъ, и гладъ, все испытывали вы.

Димитрій же васъ жаловашъ намѣренъ,

Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, рашныхъ,

Госпей, купцѣвъ — и весь честный народъ.

Вы ль станете упрямышся безумно

И милоспей кичливо убѣгашь?

Но онъ идеть на Царскіенный пресполь

Своихъ опцевъ въ сопровожденьи грозномъ.

Не гнѣвайше жь Царя и бойшесь Бога,

Цалуйше крестъ законному владыкѣ;

Смиришесь, немедленно пошлише

Къ Димитрію во сѣанъ Митрополиша,

Боярь, Дьяковъ и Выборныхъ людей,

Да бьюшъ челомъ опцу и Государю.

(Сходитъ. Шумъ народный).

Н А Р О Д ъ.

Чшо толковашъ? Бояринъ правду молвилъ.

Да здравствуетъ Димитрій нашъ опецъ!

М у ж и к ъ н а а м в о н ѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палашы!

Сшупай! вязаць Борисова щенка!

Н А Р О Д ъ *(несетъ толпою).*

Вязаць! шопишь! Да здравствуетъ Димитрій!

Да гибнешъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА УКРЫЛЬЦА.

ΘЕОДОРЪ подь окномъ.

Нищій.

Дайте милосшыню Христа ради!

Стрѣжа.

Поди прочь; не вельно говоришь съ заключенными.

Θеодоръ.

Поди спарикъ, я бѣднѣ себя, ты на волѣ.

*(Ксенія подь покрываломъ под-
ходитъ также къ окну).*

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра! бѣдныя дѣши, что пташки въ
кѣшки.

Другой.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣшки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажешся, къ намъ Бояре
идутъ.

ТЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ не-
знакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молгановъ
и Шереметевъ; за ними трое
Стрѣльцовъ).

НАРОДЪ.

Разсупишесь, разсупишесь: Бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

Другой.

А вѣрно приводишь къ присягѣ Θεодора Годунова.

Третій.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога! дерущся!

Народъ.

Слышишь? визгъ! это женской голосъ... Взойдемъ! — Двери запершы — крики замолкли — шумъ продолжается.

*(Отворяются двери. Мосальскій
является на крыльцѣ).*

Мосальскій.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θεодоръ оправили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мершвые трупы. *(Народъ въ ужасѣ молчитъ)*. Чшо жъ вы молчите? кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ безмолвствуетъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Feb. —

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Boris Godunov

Sanktpeterburg 1831

Res/39.3119

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10701675-2